

16+

Ирина Кукушкина
Вернуться!

Ирина Кукушкина

Вернуться!

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кукушкина И. А.

Вернуться! / И. А. Кукушкина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это повесть о любви и верности, о сильных людях, сумевших сберечь свою любовь и веру вопреки всем бедам и препятствиям, вставшим на их пути. Это повесть о настоящих, искренних чувствах, о человеческой порядочности и непорядочности, смелости и трусости, о силе воли, помогающей преодолеть смертельную опасность и выжить.

© Кукушкина И. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Часть 1

Глава 1

- Что ещё за неполадки? Почему вовремя не проверили? Старпом, что молчишь?
- Товарищ комдив, разрешите доложить? Я прикомандирован к экипажу за час до выхода в море. Не успел.
- Да мне плевать, прикомандирован ты или нет. Не успел он, видите ли! Проблему устранить и через час доложить.
- Товарищ комдив, на море шторм, я не могу отправить людей на корпус, их может смыть...
- Что?! Не могу? Срывать боевую задачу? Хоть сам лезь. Я сказал устранить неполадки, значит выполняй.
- Есть выполнять. Разрешите идти?
- Иди. Распустились совсем, – прокричал адмирал в спину уже выходившему офицеру. Командир лодки, молча стоявший рядом во время всего разговора, выждал ещё минуту, пока комдив чуть успокоился, и попробовал возразить по поводу срочности:
- По сводке шторм начнёт стихать через час. Может немного задержать ремонт?
- Что? – опять вскинулся неостывший ещё адмирал, и командир замолчал на полуслове.

Адмирала боялись в дивизии и не любили за вздорный нрав и злопамятность. Среди офицеров ходили разговоры о его непорядочности и трусоватости. С таким лучше не связываться и не возражать.

Командир лодки не был достаточно уверенным человеком и по служебной лестнице продвигался не столько благодаря своим военным талантам, сколько благодаря исполнительности, умению не ввязываться в конфликты и не возражать начальству. На командирскую должность он был назначен недавно и это был один из его первых самостоятельных выходов в море. Он волновался, а присутствие на борту самого комдива только усиливало его волнение.

И вот, такая незадача. Ослушаться начальство нельзя и выпускать людей на корпус в такую погоду тоже нельзя. Дилемма! Командир стоял и размышлял, как бы успокоить и отвлечь адмирала, а потом осторожно выйти из рубки и задержать старпома, чтобы тот не совался на борт, пока не уляжется ветер. Старпом, мужик знающий, не слабак, но бывает горяч. Командир заметил, как сверкали его глаза, когда тот говорил с адмиралом. Как бы и правда, сам на борт не полез. Надо остановить.

- Товарищ комдив, предлагаю вам отдохнуть, пока экипаж занимается ремонтом. Я распоряджусь, чтобы вам принесли чай, – предложил командир, а про себя подумал: «Хорошо, что взял с собой коньяк. Сейчас к чаю он будет в самый раз».

Адмирал согласился и отправился в свою каюту. Командир распорядился о чае, занёс в каюту коньяк с фруктами, и, выйдя, приказал вахтенному:

- Если комдив уснёт, проследите, чтобы его не разбудили, и вызовите ко мне старпома. Дежурный офицер слегка замялся:
- Товарищ старпом выполняет распоряжение по ремонту оборудования.
- Я знаю, что выполняет, пусть он отвлечётся и зайдёт ко мне.
- Но он не может сейчас зайти.
- Что значит, не может? Позвать!
- Он занят ремонтом на корпусе.

– Что?!! Он вылез наружу? Сам? – командира пробил пот и по спине забегали мурашки. Закралось нехорошее предчувствие и на душе стало совсем тоскливо.

– Вернуть! Немедленно вернуть, – приказал он отрывисто.

– Теперь не получится. Товарищ старпом уже приступил к работе. Мичман Соколов его страхует.

– Как, и этот вышел наружу?

– Он у самого выхода. Его хорошо привязали.

Командир сел на своё место у приборов, несколько минут молчал, затем, не выдержав, встал и вышел из рубки. Он сам направился к трапу, у которого в ожидании стояли несколько офицеров и мичманов. Люк был открыт и в глубину лодки доносились грохот и рычание волн, какие-то металлические стуки и человеческие голоса. Внизу царило напряжённое молчание. Вдруг наверху раздался крик, скрежет металла, стук чего-то катящегося по корпусу и один из офицеров, не выдержав, бросился вверх по трапу. В это время в проёме люка появилось мокрое и что-то кричащее существо. Его губы тряслись, глаза от ужаса стали огромными во всё лицо. Это был мичман Соколов, страховавший старпома.

– Я его не удержал. Не удержал, – повторял он, протягивая вперёд ободранные руки с обрывком каната и судорожно всхлипывая.

– Что со старпомом? – похолодел командир.

– Его смыло. Он там. Там за бортом. Волна. Огромная волна. Он не устоял. Его потянуло. Вниз потянуло. Трос не выдержал. Я его держал. Крепко держал, а он оторвался. Я же его крепко... Как же это? Как? Что же теперь? Я не удержал. Не смог.

Командир обвёл взглядом, стоящих вокруг людей. Помощник предложил:

– Надо организовать группу спасателей. Сейчас соберём добровольцев. Я сам пойду.

– Отставить. Никто больше наверх не полезет. Пока ветер не стихнет. Хватит самодеятельности, – вдруг закричал он, – Один уже ослушался приказа не выходить, догеройствовался. Вот, что получилось. Я не допущу больше жертв на борту. Задраить люк и разойтись.

– Но как же старпом? Он же погибнет, пока мы ждём. Мы не можем его бросить, произнёс кто-то рядом.

– Я сказал – нет. Шторм должен скоро стихнуть, тогда организуем поиск. Рисковать людьми я не буду.

– Собой рисковать боишься, – раздался раздражённый голос помощника.

– Не боюсь, – запальчиво возразил командир и поспешно добавил, – «Сейчас мы ему всё равно не поможем, а людей погубим». Он проследил, как выполняется его приказ, и нетвёрдыми шагами отправился в каюту комдива.

– Что такой бледный? – спросил улыбающийся адмирал, подобревший и раскрасневшийся от уже выпитого коньяка.

– Товарищ комдив, разрешите доложить! Во время проводимого на корпусе ремонта старпома смыло волной за борт.

– Что? – комдив чуть не поперхнулся от неожиданности, – «Как смыло? Да ты в своём уме, командир? Нас же с тобой теперь по стенке размажут. До конца жизни не отмыться». Он перевёл дыхание и вдруг продолжил уже совсем другим тоном, – «Как он посмел? Я же запретил ему выходить наверх! Невыполнение приказа, самовольство. Совсем ты своих людей распустил, командир. Почему ослушался? Почему наверх полез»? – закричал он ещё громче, услышав чьи-то шаги по коридору. И совсем тихо, почти прошипел в ухо командиру: – «Запомни, он нарушил мой приказ. Он полез туда самовольно. Слышишь? Самовольно»!

Ветер вскоре действительно стал стихать. На корпус лодки вышла группа спасателей, но сколько ни всматривались моряки в мутные ещё бурлящие волны, они не увидели за бортом никаких следов упавшего туда человека.

Через двое суток молчаливая лодка вернулась в базу, неся с собой горькую весть о погибшем товарище. Командир отправил помощника сообщить жене старпома о гибели мужа.

– Да, и скажи ей, что он сам туда полез, сам. Его никто не посылал.

Помощник пристально посмотрел на командира, молча повернулся, но уже у самого выхода остановился и произнёс:

– Товарищ командир, я подам рапорт о переводе на другое формирование. Я думаю, что не смогу больше служить вместе с вами.

Командир сжал до скрежета челюсти, а потом едва слышно произнёс:

– Это ваше личное дело. Можете идти.

– Есть, – кратко прозвучало в ответ, и дверь каюты закрылась.

Глава 2

Старпом вышел из центрального поста молча и порывисто. Он почти не разговаривал, лишь бегающие желваки выдавали крайнюю степень возбуждения и злости. Приказ выполнять надо. Надо вопреки разумному предложению переждать шторм. Срочности пока нет. Судя по всему больших повреждений на корпусе не было. Что за окаянная спешка? Самое главное, кроме барских амбиций комдива, да его желания, чтобы все немедленно бросались ему угождать, никаких иных причин так торопиться с ремонтом не существовало. Старпом угождать не любил, но, чувствуя себя глубоко задетым и уязвлённым, хорошо понимая всю эгоистичность и бессмысленность приказа, всё же не мог не подчиниться ему.

– Рисковать людьми нельзя. Придётся идти самому. Возьму с собой Соколова. Я давно его знаю. Не подведёт. Да и силён. Сумеет подстраховать и удержать трос, – размышлял он.

Через десять минут, одевшись потеплее, старпом уже был готов к выходу. Он заканчивал объяснять мичману задачу, когда подошёл помощник.

– Иван, подожди. На, глотни, а то замёрзнешь сразу.

Старпом сделал несколько глотков обжигающего напитка. По телу пробежало приятное тепло.

– Спасибо! – сказал он и повернулся к Соколову: – «Ну, что? Готов? Тогда за мной», и уже через плечо бросил помощнику – «Ничего, Слава. Я живучий. Приказы начальства надо выполнять».

Ветер налетел сразу, как только он оказался наверху. Мичман закрепился у люка, а старпом, попробовав крепость страховки, присел на корточки и, держась за обшивку лодки, стал медленно продвигаться вперёд. Он добрался до места и приступил к ремонту. Море, словно, сжалилось над ним и решило помочь, затихнув на некоторое время. Через полчаса он закончил работу и тихонько дёрнул за трос:

– Давай, выбирай. Я возвращаюсь.

Иван успел продвинуться всего на пару метров, когда море, словно отдохнув от временного затишья, вдруг взорвалось и налетело на него огромной волной. Необузданная сила потянула его вниз, и он заскользил к краю лодки, цепляясь за корпус, сдирая кожу рук и не в силах сопротивляться ярости стихии. Он почувствовал, как натянулся трос. Мичман пытался вытащить его наверх, но море не отпускало и тащило за собой. Вода швыряла его о борт, обрушиваясь на него непрерывным потоком. Вдруг трос ослаб, и он уже без всякого сопротивления полетел в бездонную черноту.

Началась нескончаемая круговерть. Его то накрывало волной, то выбрасывало на поверхность. Он почти ничего не видел, кроме постепенно удаляющегося от него, чёрного силуэта лодки. Всё произошло так быстро, что старпом даже не успел испугаться, лишь одна мысль стучала в мозг:

– Хорошо, что надел защитный костюм. И весна нынче теплее нормы. Температура воды была плюс десять. Сразу не утону, а потом вытащат. Обязательно вытащат.

В том, что его будут спасать, он даже не сомневался. Окажись в такой ситуации кто-то другой, сам первый бросился бы на помощь. С этой мыслью он и впал в короткое забытё.

Когда Иван очнулся, море уже почти успокоилось, но корабля нигде не было видно. Нигде, до бескрайнего горизонта.

– Неужели ушли? Бросили? Или меня так сильно отнесло? Ничего найдут. Должны найти. Ребята не бросят.

Пытаясь успокоить нарастающее волнение, он говорил сам с собою вслух. Повторял одни и те же фразы, напрягая зрение, всматривался вдаль, поддерживая затухающую надежду. Но злым червячком зашевелилась в мозгу другая мысль:

– А если комдив не позволит искать?

Собирая в кулак силу воли, он пытался немного двигаться и плыть, как можно интенсивнее шевеля кистями рук и ступнями, чтобы не замёрзнуть в холодной воде и мысленно благодарил помощника за предложенное ему «шило», которое пока ещё помогало ему согреться. Апрельский день был уже достаточно длинным, но и он склонялся к закату. Старпом всё ещё старался понемногу перемещаться, экономя силы, неважно, куда, главное двигаться. Иван был хорошим пловцом и мог бы долго держаться на воде, но здесь его главным врагом был холод, и, как бы он не старался, у организма был предел сопротивляемости. Он предполагал, что провёл в воде уже 2-3 часа. Это означало, что до критического переохлаждения у него есть максимум столько же. Иван всё ещё с надеждой вглядывался вдаль, но не видел вокруг себя ничего кроме грязно-зелёного моря, сливающегося вдали с серым стальным небом.

– Только без паники. Только без паники, – повторял он себе уже просто по инерции, почти ничего не ощущая.

Глава 3

Где-то вдали появилась чёрная точка. Поначалу Ивану подумалось, что это просто рябит в глазах или вообще начались глюки из-за чрезмерного напряжения зрения и желания что-то увидеть, но точка двигалась и понемногу росла.

– Неужели лодка? Может, продолжают искать? Значит, не ушли. Не бросили. Спасут. Обязательно спасут, – обрадовался он, и из последних сил поплыл навстречу этой точке. А она приближалась, увеличивалась, превращаясь в большое размытое пятно, которое в надвигающихся сумерках всё больше теряло свои очертания.

– Только бы не так быстро темнело. Только бы заметили, не ушли, – твердил он себе вслух слабым охрипшим голосом, и, словно, в ответ на его просьбу с неба уплыли последние тучи, а предзакатное солнце ярко осветило затихающую поверхность воды. Неожиданно его ослепил огонь фонаря, заскользивший по водной поверхности, и он на какое-то время то ли потерял сознание, то ли просто впал в забытё.

Очнулся он от звука чужих голосов и прикосновений чьих-то рук, вытаскивающих его из воды на борт. Над ним кто-то склонился и осветил фонариком его лицо. Он зажмурил глаза, и сквозь уходящее сознание услышал незнакомую, нерусскую речь.

В следующий раз он пришёл в себя на жёсткой койке в полутёмной каюте. Тело болело, но он чувствовал приятное тепло, наполняющее и согревающее его. Кто-то сидел рядом. Иван пошевелился и произнёс:

– Где я? Вы кто?

Молодой парень в робе обрадовался, услышав его голос, и ответил на незнакомом языке. Иван смотрел на него, не понимая, а тот объяснял что-то, отчаянно жестикулируя. Из всей его эмоциональной речи старпом понял только, что судно, кажется, рыбацкое, из Норвегии, и, что парень рад видеть его в сознании.

Затем матрос подскочил и куда-то вышел. Вернулся он довольно скоро с небольшим подносом в руках, от которого доносился запах еды. Парень помог Ивану чуть приподняться, и сунул ему в руки железную миску с горячим варевом. Старпом ел, не очень понимая, что именно ему принесли, но было вкусно, горячо и попадались большие куски мяса. Затем парень протянул ему кружку чая с толстым куском булки, намазанным брусничным вареньем. И уже в самом конце, оглянувшись на дверь, извлёк откуда-то поцарапанную фляжку и протянул ему. Старпом сделал несколько глотков, подумав про себя:

– Крепкая, зараза, но наше «шило» лучше.

Матрос ушёл, а через некоторое время в каюту зашёл мужчина постарше. Он тоже что-то говорил, пытался задавать вопросы, объяснять. Русского здесь, похоже, не знал никто, и договориться было сложно. И всё же, Иван понял, что корабль возвращается в Норвегию, а его передадут властям, которые и будут решать его дальнейшую судьбу. А сейчас ему надо есть, спать и набираться сил.

Мужчина ушёл, а Иван действительно уснул, успев лишь подумать:

– Ну вот, теперь отосплюсь.

Спал он крепко и долго, проснулся неожиданно от начавшейся качки. В каюту опять забежал давешний матрос, оставил ему очередную порцию еды, и, проговорив что-то, взволнованно размахивая руками, убежал. Из всего этого Иван заключил, что снова начинается шторм и там, на палубе, морякам приходится туго. Он поел, полежал ещё несколько минут и попробовал подняться. Ноги были ещё слабы, но ходить он мог.

Иван осмотрелся, нашёл свою просушенную одежду, и даже защитный костюм, в котором выходил из лодки. Он оделся, выбрался из каюты и стал пробираться наверх. Судёнышко, видно было небольшим, и его било о волны и швыряло во все стороны. Иван нашёл трап и стал подниматься наверх, когда услышал глухой удар, и судно содрогнулось. Удар был такой силы, что он не удержался на ногах и полетел вниз. Кругом стоял страшный грохот, и палуба под ногами ходила ходуном. Иван с трудом поднялся, схватился крепче за трап и снова полез по ступенькам.

На этот раз ему удалось подняться, и он высунулся из открытого люка. Иван осмотрелся, но то, что предстало перед его глазами, было ужасно. Судно резко накренилось, и к борту медленно сползали части рухнувшего такелажа. Один борт был начисто снесён, палуба почти касалась воды. Людей нигде не было видно, и корабль медленно тонул. Старпом судорожно соображал, что же делать дальше.

В этот момент позади него раздался голос. В неразберихе шторма он разглядел знакомого матроса. Тот показывал руками куда-то в сторону. Иван присмотрелся и увидел небольшую спасательную шлюпку, каким-то чудом оставшуюся на борту. Он махнул парню рукой, прося помочь ему спустить лодку на воду, но только теперь разобрал, что тот сидит на палубе, зажатый упавшими на него обломками корабельных снастей.

Старпом стал осторожно пробираться к нему, выбирая за что ещё можно ухватиться без риска покатиться вниз к краю борта. Наконец он добрался до парня, освободил от обломков и осмотрел. Руки у того были в порядке, а вот ноги, видимо, были сильно покалечены. Иван потащил его к лодке. С трудом ему удалось поднять и перебросить парнишку через бортик. Тот

помогал ему, как мог, стискивая зубы и лишь постанывая от боли. Иван попытался спросить, где остальные. Парень, кажется, понял вопрос и показал рукой в сторону бушующей воды.

– Неужели всех смыло? – подумал Иван. – «А вдруг кто-то остался внизу?»

Старпом осмотрелся и, оценив ситуацию, решил, что у него ещё есть время спуститься и проверить нижнюю палубу. Поиски не дали результата. Людей не было. Правда, он нашёл камбуз и, увидев на полу мешок, схватил его и быстро побросал внутрь валявшиеся повсюду продукты. С этим мешком он и выбрался наружу.

Добравшись до шлюпки и, кинув парню мешок, он принялся отвязывать её, чтобы спустить на воду. Дело оказалось нелёгким, под руку попался маленький пожарный топорик, и он разрубил неподдающийся канат. Освобождённая лодка заскользила к краю борта, и он в последний момент прыгнул в неё, не выпуская из руки топорика.

Накатившая волна приняла лодку на свою спину, и не позволила ей перевернуться. Она оттащила шлюпку от корабля и, сбрасывая её с себя, резко накренила. Иван вовремя наклонился в противоположную сторону, и лодка постепенно выровнялась. Он схватился за вёсла и стал быстро грести, стараясь как можно скорее удалиться от тонущего корабля.

Шлюпку швыряло по волнам, ветер крутил её во все стороны и чуть не переворачивал. По лицу хлестали то дождь, то морская вода. Оказавшись на безопасном расстоянии, Иван втащил вёсла внутрь, закрепил их и лёг на дно лодки, прикрывая собой дрожащего парня.

Глава 4

Неизвестно, сколько прошло времени, но буря всё же начала стихать и небо понемногу прояснилось. Иван сел в лодке, распрямил затёкшие ноги и стал осматривать раскрывшуюся перед ним картину. Где-то вдалеке виднелись неясные очертания берега, он достал вёсла и закрепил их в ключихах. Парень пошевелился и открыл глаза. Иван попытался устроить его поудобнее, поправляя ему раненые ноги. Тот был в полузабытьи и тихо постанывал, изредка приоткрывая глаза. Ничем больше помочь ему было нельзя. Иван взялся за вёсла и направил лодку в сторону долгожданной земли.

Серая полоса медленно приближалась, и постепенно стали заметны высокие скалы, поднимающиеся из воды. Подплыв поближе, когда берег стал хорошо виден, Иван остановился, чтобы отдохнуть и поразмыслить, в какую сторону лучше грести, чтобы найти пологий склон. Скалы ничего не обещали, и он решил двигаться наугад. Как повезёт.

Через некоторое время берег стал снижаться, и он, наконец, увидел небольшой плёс, по которому можно было выбраться на сушу. Заканчивалось время прилива, и ему удалось продвинуться к берегу довольно близко. Выпрыгнув, из лодки на мелководе, он попытался вытащить её из воды, но сил не хватало. Иван осмотрелся, нашёл камень и придавил им обрывок каната, чтобы лодку не снесло в море. Ветер затих, шторм угас, и на некоторое время о лодке можно было не беспокоиться.

Иван прошёл по берегу, поднялся на пологий склон, осмотрелся. Признаков жилья не было видно, но неподалёку росли несколько хилых деревьев. Он вернулся к лодке за топориком.

Срубив деревцо и найдя укромное местечко между камнями, он соорудил небольшое ложе из веток и вернулся к лодке. Иван вынул намокший мешок с продуктами, отнёс его к укрытию и отправился за парнем. Тот опять пришёл в себя и попытался помогать Ивану, когда тот тащил его из лодки. На берегу, он поднял парня на руки, еле держась на ногах, сделал несколько шагов и повалился на землю. То ли парень был слишком тяжёл, то ли Иван так ослаб, но сил дотащить его до укрытия не было. Иван сходил за обрубок деревца, подsunул тонкий ствол под парня, перевернув его на живот, и стал потихоньку тянуть наверх. Матросик обнял

деревцо обеими руками, чтобы не свалиться, и только ещё громче стонал, когда раненые ноги стучали о камни во время движения.

Наконец Ивану удалось дотащить парня до места. Он устроил его на сооружённом ложе, сел рядом, и попытался заговорить с ним.

– Я Иван, – показал он на себя, – А ты?

– Улаф, – произнёс парень еле слышно посиневшими губами. Потом вдруг что-то вспомнил, полез за пазуху и извлёк уже знакомую Ивану флягу, встряхнул её, вымученно улыбнулся и протянул Ивану. Старпом взял флягу, открыл и сделал глоток.

– За знакомство, – сказал он и вернул флягу хозяину.

Парнишка тоже что-то произнёс и, сделав глоток, опять протянул её Ивану, но тот показал жестом, что, мол, хватит, напиток ещё пригодится. Улаф, кажется, понял и спрятал флягу в карман.

Отчаянно жестикулируя, Иван объяснил парню, что пойдёт искать помощь, но прежде, чем уйти, вернулся к лодке и положил на трос ещё пару больших булыжников, на всякий случай. Он бродил по берегу несколько часов, и каждый раз суша заканчивалась либо крутым обрывом, либо более пологим спуском, ведущим к воде.

«Неужели остров? Вот так влипли!» – думал он, вглядываясь в морскую ширь. Наконец он обошёл его весь. Никаких признаков присутствия человека, лишь низкие голые деревца, ещё заснеженные сопки и только кое-где из-под неглубокого снега пробивались красные подмороженные горошины прошлогодней брусники. Иван разгрёб снег и стал собирать ягоды. Он съел несколько пригоршней, перекатывая подмороженные плоды во рту языком и жадно проглатывая холодный кисловатый сок. Потом загнул полу куртки и наполнил её налитыми твёрдыми ягодами для Улафа и отправился в обратный путь. Единственное, что порадовало его во время обхода, это то, что вдали он разглядел очертания другого берега.

«Завтра поплывём туда», – решил он – «А сегодня надо устраиваться на ночлег здесь».

Улаф встретил его вопросительным взглядом, и Иван в ответ лишь отрицательно покачал головой и развёл руками. Он отдал Улафу ягоды и пошёл собирать хворост для костра.

Иван не курил, но всегда носил с собой зажигалку во внутреннем кармане. Так, на всякий случай. Сейчас она была весьма кстати. Сырые ветки покапризничали, и понемногу разгорелись. Иван подтащил Улафа к огню и взялся за мешок, захваченный им с тонущего рыбацкого судёнышка. В спешке он не рассматривал, что попало ему под руку, брал, что успел. Теперь пора было определиться со своими запасами. Кто знает, как долго им придётся ждать помощи, если она вообще придёт. В мешке оказалось несколько банок тушёнки, буханка хлеба в вакуумной упаковке, пара пачек галет, немного соли и несколько брикетиков какой-то крупы. Иван прикинул, сколько часов прошло с того момента, когда он ел в последний раз. Вышло часов 12-15. Чувство голода сделалось невыносимо острым. Он вскрыл хлеб, отрезал два куска, аккуратно завернув и спрятав в мешок оставшийся, затем вскрыл топориком банку тушёнки, намазал её на хлеб и протянул один кусок Улафу. Тот заворожённо следил за действиями Ивана и с радостью принял предложенную ему еду. В освободившуюся банку Иван набрал чистого снега, растопил его над огнём и они жадно выпили жирную горячую воду, по очереди передавая жестянку друг другу. Утолив голод, Иван бросил пустую банку в мешок. Ещё пригодится. Затем он подбросил в костёр веток, они устроились поудобней, прижались друг к другу спинами и попытались уснуть. Улаф, кажется, впал в забытие, а Иван лишь слегка дремал, постоянно просыпаясь и подбрасывая веток в костёр. Апрельская ночь была коротка, Иван поднялся, чтобы согреть воды перед следующим выходом в море. Надо было переправляться на другой остров. А, вдруг, им повезёт, и они доберутся до людского жилья. Уже через час Иван сидел на вёслах, отплывая от приютившего их берега к другому, пока ещё неведомому.

После вчерашнего шторма море было довольно спокойным, почти штиль, и они, хоть и медленно, но постепенно приближались к желанной цели. Иван согрелся, работая вёслами, а

вот Улаф стучал зубами от холода. Солнце светило довольно ярко, но свет его расходился по воде и почти не грел. А от стального цвета воды, из самых её глубин тянуло застарелой зимней стужей. Иван знаками показал Улафу на вёсла: «Попробуешь, чтобы согреться?». Тот подумал, видимо оценивая свои силы, и согласился. Они осторожно поменялись местами, и Улаф сделал несколько взмахов, напрягаясь изо всех сил. Лодка замедлила свой бег и почти остановилась. Но и этих гребков для Улафа было достаточно. Его лоб покрылся испариной и было件нятно, что силы почти совсем оставили его. Но движение всё же немного согрело парня, и он перестал стучать зубами. Иван снова сел за вёсла. Вскоре они добрались до желаемой цели.

На этот раз Ивану удалось быстрее найти место для причаливания. Он выпрыгнул на каменистый берег, закрепил верёвку, выбросил на сухое место нехитрые вещички и помог Улафу выбраться из лодки, а затем принялся вытаскивать её из воды. Вода была и в самой лодке.

– «Остатки дождя и заливавших лодку волн во время шторма», – подумалось ему – «Но, ведь, я вычерпывал, а сегодня дождя не было. Откуда вода?»

Вытащив лодку на берег, он внимательно её осмотрел. В носовой части была небольшая течь.

– «Наверное, от ударов о камни пока швартовался», – решил он, – «Надо что-то придумать. Хорошо ещё сюда доплыли. Людей искать надо, а то... ». Думать о плохом не хотелось и Иван начал осматриваться. Его взгляд упал на Улафа, сидевшего на валуне. Лицо серое. Посиневшие губы мелко дрожали. Казалось, что он сейчас потеряет сознание и упадёт. Иван бросился к нему и перетащил парня снова в лодку.

– «На камнях совсем замёрзнет. Надо скорей разводите огонь», – соображал он. Схватив топорик, он бросился к нескольким деревьям, стоящим невдалеке, быстро нарубил веток и, увидев укромное местечко за большим камнем, стал устраивать небольшой настил и готовить место для костра. Через полчаса Улаф уже сидел у огня и отхлёбывал горячую воду из банки. Обоим нестерпимо хотелось есть. Иван аккуратно, чтобы не крошить, отрезал по куску хлеба (Улафу немного больше) и опять согрел воду. Перекус был слишком скромным, но и от этого стало легче. Иван вспомнил о фляге и показал знаками Улафу, что надо достать её и сделать три глотка. Улаф послушался и, глотнув спирта, протянул флягу Ивану, тот сглатывая набежавшую слюну и пересиливая желание, отказался. Улаф поспешно убрал драгоценную жидкость.

На их счастье склон сопки, на котором они оказались, был на солнечной стороне, остатки снега были уже растоплены и сбежали ручейком в море, а черная каменистая земля лучше удерживала драгоценное тепло. Место было укрыто от ветра камнями, костерок весело горел и они понемногу стали согреваться. Иван принёс ещё веток и, оставив Улафа у огня, отправился исследовать этот новый кусок земли, приютивший их. Как знать, на сколько?

Этот обход вновь не дал утешительных результатов. Они снова были на острове. Возможно, чуть большем, чем прежний, но таком же пустынным. Правда, недалеко от него виднелись другие островки, но даже издали было件нятно, что они гораздо меньше и так же необитаемы. Голые скалистые берега, скорее похожие на огромные валуны, торчащие из воды, не оставляли надежды.

«Видимо, придётся провести здесь не один день, пока что-то не придумаю с лодкой. Значит надо экономить еду и стоит снова поискать под снегом ягоды. На этих диких островах их должно быть много», – он пожалел, что не захватил с собой банку. Иван огляделся, заметил склон с тонким слоем снега и, пробивающиеся сквозь него, стебли прошлогодней травы. Он присел на корточки, сгрёб снег и залюбовался россыпью чуть побледневших, но всё ещё красных ягод.

«Приехать бы сюда в сезон. Вот уж где урожай!» – думал он, собирая в пригоршню бруснику и отправляя её в рот. Зубы заломило от холодных ягод, и он почувствовал, что немного озяб. Пора было возвращаться на берег.

Иван продвигался по склону к небольшой рощице, бережно неся в пригоршне собранную для Улафа бруснику, стараясь не рассыпать и не помять свою добычу. У рощицы он немного задержался и осмотрелся. Невысокие деревца густо росли на более-менее ровных, не занятых валунами площадочках, создавая укромные закуточки.

«Вот здесь и надо устраиваться», – решил Иван и вдруг заметил в одном из таких закутков небольшое дощатое строение. Он подошёл поближе. Перед ним был полу-домик или полу-землянка, с прикрытой на щеколду щелястой дверцей. Он осторожно снял щеколду и заглянул внутрь. Видимо, это был заброшенный охотничий домик, в котором уже давно никто не бывал. Внутри стоял маленький, плохо оструганный столик, старая замшелая скамья, а у стены при- тулилось что-то похожее на нары.

Иван вошёл внутрь, цепляясь ногами за полусгнившие ветки, набросанные на земляном полу. Глаза привыкли к сумрачному свету, и он заметил на столе жестяной котелок и пару кружек. Чуть дальше стоял небольшой закрытый жестяной ящичек. Иван осторожно высыпал ягоды в кружку и открыл ящичек. Вот это находка! В ящичке лежали завернутые в целлофан большой коробок спичек, кулёчек с солью и несколько чёрствых обкрошившихся сухарей, а под ними – старый заржавелый нож, кусок лески и несколько крючков разной величины. И уже совсем на дне он увидел кусок газеты на непонятном языке. Это действительно был не то охотничий, не то рыбацкий домик, которым, по-видимому, уже давно не пользовались. В стене рядом с нарами даже был устроен небольшой очаг с трубой, выведенной через низкую крышу наружу. Рядом пара неизрасходованных, уже трухлявых поленьев.

«Вот это повезло. Можно продержаться некоторое время», – сказал он вслух и сам удивился хрипоте своего голоса.

Иван взял нож, вышел наружу и срезал несколько голых прутьев. Соорудив что-то вроде веника, он вернулся в избушку и принялся выметать мусор и паутину. На нарах он приметил старый парусиновый плащ, вынес его на улицу, вытряхнул и бросил на низкий кустик, росший рядом. Проветриться. Затем он насобирал охапку сучьев, посуше и потолще, собираясь раз- жечь огонь, но передумал, решив сначала сходить за Улафом.

Закончив нехитрую приборку, он взял кружку и снова отправился к брусничнику. Там быстро наполнил её до краёв и поспешил на берег.

Улаф ждал его, пытаясь поддерживать догорающий огонь. На его вопросительный взгляд Иван отвёл глаза и со вздохом покачал головой. Улаф с надеждой смотрел на незнакомую кружку и тогда Иван жестами стал объяснять ему про охотничий домик и то, что им надо соби- раться и переходить на новое место. Пока Улаф перекусывал ягодами, он понадёжнее закрепил лодку, чтобы её не смыло волнами и приготовил для переноски вещи. Оценив всё взгля- дом, решил двигаться, перенося поочерёдно то Улафа, то вещи. Тащить Улафа было довольно тяжело, но он слегка передыхал, возвращаясь за вещами. Усталость брала своё, переходы ста- новились всё короче, а отдыхать приходилось всё дольше и дольше.

Путь занял не один час, но они, наконец, добрались до места. Иван устроил Улафа на нарах и занялся разведением огня.

Тепла от печурки было немного, всё оно уходило через щели в стенах и потолке, но это было всё равно лучше, чем ночевать на улице. Набрав в котелок снега, он согрел воду и бро- сил туда немного оставшейся брусники, раскрошил в кружки один из сухарей и залил горячей водой. Получилась жидкая и совсем неаппетитная баланда, но голод брал своё, и эта еда всё же немного его утолила. Иван принёс ещё прутьев, чтобы хватило до утра, и они кое-как устрои- лись на нарах, укрылись плащом и попытались уснуть. Спать таким образом было и жёстко и неудобно, но усталость взяла своё и, помучавшись немного, они наконец заснули.

Короткая апрельская ночь пролетела быстро, мужчины проснулись с первыми проблес- ками дневного света. Бока болели, но усталость прошла, и они чувствовали себя лучше. Даже

Улаф немного ожил, но ноги его ещё не слушались и потому Иван усадил его поудобнее рядом с огнём и занялся разогреванием воды. На этот раз Иван размочил в котелке часть крупяного брикета, который они жадно съели, запивая брусничным чаем.

Пора было побеспокоиться о еде. Леска и крючки были кстати. В качестве удилища Иван приспособил, найденную им, короткую крепкую палку. Вырезал ножом блесну из крышки железной банки. Положил её на большой валун и обстукал края небольшим, но увесистым камнем, затем натёр до блеска. С грузилом пришлось потрудиться дольше, но и его он скоро приладил на место и привязал крючок и выструганный из куса деревяшки поплавок.

Наконец, обеспечив Улафа топливом для печурки, Иван отправился на берег. Побродив у воды, он набрал опарышей и устроился на невысоком отвесном берегу. Для начала он решил попробовать забросить удочку без наживки. Леска опустилась почти вертикально, и блесна ушла под воду. Ждать почти не пришлось. Почувствовав лёгкий толчок, он дёрнул леску, подсекая рыбу и начал выбирать её из воды. Без катушки это было неудобно, но он справился. Наградой за труды была небольшая треска. Она приятно трепыхалась в руках, когда Иван снимал её с крючка, крепко сжимая пальцы, чтобы не сорвалась. Затем он опять опустил леску в воду и почти тотчас вытащил следующую рыбу. Иван вошёл в азарт, рыба садилась на крючок сразу, как только блесна ныряла под воду. Оставалось только быстро подсесть её и аккуратно выбрать леску. Уже через час среди камней лежали полтора десятка серебристых рыбок.

«Пора заканчивать», – остановил он себя: – «Сразу всё не съедим, а хранить всё равно негде». Он с сожалением смотал леску, собрал рыбу и вернулся к Улафу.

В этот день они ели уху, ягоды и пили чай из почерневшего под снегом прошлогоднего брусничного листа. Чувство голода наконец-то ушло, и в теле появилась приятная истома.

После обеда Иван помог Улафу выбраться из избушки и устроил его на солнечной стороне большого камня, лежавшего неподалёку. Понемногу завязался разговор. Сначала преобладали жесты, но потом оказалось, что Улаф немного говорит по-английски, а Иван вспомнил свои неглубокие школьные познания. Вот уж не думал он, что придётся однажды пожалеть, что когда-то обращал так мало внимания на изучение, казалось бы, совсем бесполезного для военного моряка языка. Надо же, когда пригодился! Они определились со временем, и Иван сделал зарубки ножом на небольшой осинке рядом с их временным жилищем. Со времени его падения в море прошло уже четыре дня, после гибели рыбацкого судна два.

«Ну, хорошо, меня могут считать погибшим, но ведь должны искать рыбаков, значит, надежда всё же есть», – размышлял он. Конечно, ему военному моряку-подводнику не очень уместно оказаться в натовской Норвегии, но это всё же было лучше, чем сгинуть безвестно на этом диком острове. Хотя теперь имея леску и крючки, они могли добыть себе пищу, положение их всё же было незавидным. Запасы соли, спичек и другой еды были невелики. Необходимо было постоянно поддерживать огонь, чтобы не остаться однажды без возможности хоть как-то обогреться и поесть горячего. Кроме того, надо было что-то придумать с лодкой, каким-то образом законопатить пробоину.

«А вдруг, повезёт уплыть отсюда, добраться до нейтральных вод и натолкнуться на свой Российский корабль», – мечтал Иван, понимая почти полную абсурдность своих надежд. Но надежда, как известно, умирает последней.

Глава 5

Дни тянулись медленно и монотонно. Утром они вставали, и Иван занимался заготовкой хвороста, рыбалкой, собиранием ягод и приготовлением пищи. Улаф, ноги которого стали понемногу заживать, в основном сидел в домике у очага, поддерживая огонь, и помогал Ивану по мелочам. Он оказался сметливым парнем и потихоньку заделывал щели в избушке, используя прутья, мелкие камешки, собранный у камней прошлогодний мох и даже землю, которую

с трудом набирал среди валунов рядом с их жилищем. Иван срубил две небольшие и немного искривлённые осинки, остругал и вырезал из них две палки, с помощью которых Улаф мог теперь передвигаться.

Все попытки Ивана починить лодку, были напрасны. На острове не было ничего подходящего, чтобы заделать течь. По несколько часов в день он проводил на рыбалке или бродил по берегу, с надеждой вглядываясь в морскую даль, но ни судов на горизонте, ни самолётов в небе не появлялось. Крупные суда могли и не проходить вблизи. Вокруг было много мелких островков, а, значит, могло не быть подходящего по глубине фарватера. Оставалось надеяться на случайные небольшие рыбацкие судёнышки или катера. Вот, если бы у них была лодка! Возможно, какие-то обжитые островки или даже суша были не очень далеко. Но отсюда их не было видно, и ждать какую-либо помощь не приходилось.

Надежды на спасение таяли вместе с весенним снегом. А снег тоже заметно таял, не смотря на ночные заморозки и холодные ветры. Но яркое солнце всё дольше задерживалось на небе, день становился всё длиннее и длиннее, а воздух понемногу теплел. Весна медленно завладевала природой, а вместе с ней и душами двоих заросших, одичалых моряков. Всё труднее было гнать от себя одолевавшие мысли о доме, и нестерпимая тоска вгрызалась в сердце.

«Как там Варька? Как сын? Наверное, уже похоронили меня», – Иван представлял себе жену, застывшую от горя, плотно сжимающую зубы и молчаливую, как всегда, в тяжёлый момент. Он никогда не видел, чтобы Варька плакала. В трудные моменты она всегда молчала. Слова не вытянешь. Как будто боялась заплакать, если заговорит.

«Наверное, ходит всё время, в своём чёрном берете и чёрном свитере, сжимает в кулаки руки и молчит», – представлял он себе жену. Она никогда не жаловалась, лишь замыкалась в себе и, совсем почти, переставала разговаривать. Как хотелось ему сейчас обнять её покрепче, погладить по голове и целовать, целовать до бесконечности... Как трудно ей одной, особенно сейчас.

Сын оканчивал школу, проходил медкомиссию, готовился к поступлению в военно-морское училище, как отец, дед, прадед. Дед Ивана служил на флоте во время войны, по призыву. Служил на Чёрном море, погиб при отходе из Севастополя. О нём Иван слышал из немногословных рассказов бабушки. Её воспоминания всегда заканчивались слезами и, потому Иван старался лишний раз не спрашивать про деда.

Отец всю жизнь мечтал служить в подводном флоте, но после окончания мореходки, попал на катера под Новороссийск, где и дослужился до капитана третьего ранга и был списан по здоровью, сначала на берег, а потом и совсем ушёл в отставку. Родом семья была из небольшого районного городка в средней полосе, туда и вернулась. Иван доучивался в местной средней школе в старших классах, мечтая, как и отец, стать моряком и служить на лодках.

В отличие от отца ему повезло. После окончания военно-морского училища он попал на Северный флот, на современный атомоход. А теперь и его сын собирался пойти по стопам отца. В то же училище и только в подводники.

«Не расхочется ли ему становиться моряком? Как сумеет он сдать экзамены после такого потрясения, поможет ли начальство его семье, поддержит ли?» – волновался Иван. На комдива и командира лодки, с которыми он выходил в море, рассчитывать не приходилось. Те будут спасать свои шкуры, отрешиваться от своей вины за гибель офицера. Скорее всего, свалят всё на него, Ивана. Но ещё хуже, что никто не видел его тела, а, значит, он будет считаться без вести пропавшим. А для Вари это совсем плохо. Ни жена, ни вдова. Никаких компенсаций или возмещений за мужа. Квартира ведомственная, могут попросить выселиться. Ох и трудно ей придётся теперь. Конечно, есть друзья, они не бросят, помогут, но ни пенсии на него, никаких льгот не получить. Хоть он пока и жив, но не известно, удастся ли ему вернуться домой, и сколько ещё они с Улафом продержатся на этом острове. Тяжёлые мысли одолевали его, и бороться с ними становилось труднее и труднее.

Проходили дни, недели, вот уже и май заканчивался, а в их с Улафом жизни на острове почти ничего не менялось. Ну, разве что, ноги Улафа зажили, и он стал ходить самостоятельно, почти не прибегая к помощи палок. Да ещё совсем закончились их скромные запасы продуктов, и даже брусники на склонах почти не осталось. Они ели одну рыбу. Варили её или вялили на солнце. Снег тоже почти весь растаял, но им повезло найти ручеёк с пресной водой, сбегавший между камней к морю. Из него и брали воду для питья и умывания. В этом же ручейке они полоскали свою одежду, пытаясь хоть как-то содержать себя в чистоте. Они старались как можно больше разговаривать друг с другом, понимая, что так легче справиться с всё чаще охватывающим отчаянием. Мешая русский, английский, норвежский, добавляя жесты и мимику, они умудрялись говорить на разные темы и понимать друг друга. Они пели друг другу песни на родных языках и даже пытались шутить. Бывало, разговор неожиданно прекращался, и каждый замыкался в себе, думая о своём.

Глава 6

Иван постоянно вспоминал жену, начиная с самого первого дня их знакомства, а вернее с того дня, когда он впервые её увидел. А было это на школьном вечере встречи выпускников.

Иван приехал из училища в свои первые зимние каникулы и, конечно, сразу прибежал в свою школу. Ему повезло, в этот же вечер там собирались бывшие ученики на традиционную встречу, а десятиклассники встречали их и готовили концерт. В первый год после окончания школы на этот вечер обычно приходят многие. Ещё свежи воспоминания детства, ещё скупают по своим одноклассникам, ещё хочется поделиться новостями и узнать друг о друге. Всех захлёстывали эмоции, все радовались друг другу, обнимались, жали руки, целовались. Кто-то принёс горячительного, они нашли укромное местечко подальше от актового зала, весело распили бутылочку вина, пустив её по кругу. Иван был в курсантской форме, не хотелось нарушать устав, не смотря на то, что никто не видел и не делал замечаний, поэтому он только сделал вид, что тоже пригубил из бутылки. Ребята и девчата немного захмелели, говорить стали громче и оживлённее. Затем все вернулись в зал, где после концерта устраивали танцы. Стулья были сдвинуты в стороны, заиграл школьный инструментальный ансамбль и вот уже первые пары закужились в медленном вальсе, открывавшем вечер.

Внимания на десятиклассниц, поглядывавших в сторону симпатичного парня в курсантской форме, он не обращал. Был занят разговором со своими одноклассниками и одноклассницами. Наконец он тоже решил потанцевать и огляделся. Форма ему шла, и он видел, что глаза многих девчонок обращены на него. Он помнил их всех, если не по имени, то в лицо. Среди них было много хорошеньких девушек, и он медлил, размышляя, кого бы выбрать. И тут, в противоположном конце зала, он заметил незнакомку. Девушка, словно, приковала его взгляд, и он смотрел на неё, поражаясь её необычной красоте. Длинная, толстая тёмно-каштановая коса с пышной волнистой чёлкой, спадавшей на огромные голубые глаза, правильные черты лица, красиво очерченный рот, строгое тёмно-синее платье на тоненькой, высокой и стройной фигуре, задумчивый, мечтательный взгляд, устремлённый куда-то в пространство – всё это сразу запало ему в душу. Он даже застыл от неожиданности. Девушка тоже смотрела на него, но казалось, что она его совсем не видит, а просто думает о чём-то своём. Иван двинулся в её сторону, но не успел, к девушке подошли, она приняла приглашение. Он оглянулся по сторонам, увидел старую приятельницу и пригласил её, решив, что следующий танец он точно не упустит и пригласит незнакомку. Но после танца девушка куда-то пропала и он её больше не увидел. Вечер закончился, все разошлись. Все каникулы он приходил к школе к концу занятий, надеясь увидеть хорошенькую девушку, но ему не повезло.

«Видимо не судьба», – с грустью думал он, уезжая в училище. Какое-то время Иван ещё вспоминал о ней, но вскоре её лицо стало стираться из памяти, и лишь мечтательный взгляд голубых глаз время от времени возникал в его воображении, вызывая лёгкую грусть.

Каждое лето в августе и зимой в начале февраля Иван приезжал домой на курсантские каникулы, встречался с одноклассниками и другими знакомыми ребятами и девчонками, иногда заходил в школу, много гулял по городу, но ни разу не столкнулся с той девушкой. Сначала надеялся на случайную встречу, а потом и забыл о ней за давностью лет. Наконец училище было окончено, он получил распределение на Север, но ему ещё полагался отпуск, первый офицерский, и он впервые приехал в свой городок уже с лейтенантскими звёздочками на погонах.

На следующий день, прогуливаясь по городку, Иван натолкнулся на своего бывшего одноклассника. Они обнялись и стали обмениваться новостями. Колька вытянул руку, показывая обручальное кольцо.

– Неужели женился? Когда успел? На ком? – вопросы сыпались так, что Николай не успевал отвечать.

– Конечно, на Танюшке. Мы же с ней со школы дружили.

– Ну, мало ли, кто со школы дружил. Многие уже и раздружиться успели и новых друзей-подруг завели.

– Только не мы с Танюхой. Разве такую девчонку можно потерять?

– Да, твоя Танюха что надо. И красавица, и умница и весёлая. Где живёте?

– Я на новый завод устроился, поставили на очередь на квартиру. Думаю, через годик дом сдадут. А пока, у её родителей. Младшая сестрёнка у неё после школы в институт поступила, живёт в областном центре, здесь редко появляется. Так что места нам хватает.

– А чего сейчас один гуляешь, где жена?

– Да, она тут встретила отца своей подружки, вон там, в магазине с ним разговаривает. А я на улицу вышел, перекурить.

За разговором они не заметили, как Татьяна подошла к ним, сияя доброй улыбкой.

– Ой, Ванька! Давно тебя не видела. Сегодня у меня прямо день встреч. Вот сейчас Варькиного отца встретила, говорит, что Варька наконец-то приехала. В гости пригласил, а то она уже второй день дома сидит и никуда не выходит. Так что, давай Николаша, пойдём к Варьке, надо её в город вытащить, погулять, а то будет там одна скучать. Вань, а, может, и ты с нами? По дороге расскажешь, как живёшь. Жениться не надумал? – Татьяна, не переставая говорить, подхватила обоих ребят под руки и потащила за собой вдоль улицы.

– А удобно? Я ведь с ней не знаком, – засомневался Иван.

– Вот и познакомлю, а вечером в горсад на танцы пойдём, вчетвером веселее. А то наших ровесников мало сейчас. Одна школьная молодёжь тусуется. А мы тоже ещё не старые. Тем более, сегодня суббота. На работу завтра не надо.

Планов у Ивана на вечер не было, и он позволил ребятам увести его с собой в незнакомый ему дом.

Домик был небольшой, деревянный, одноэтажный и двухквартирный. Стоял он на высоком берегу реки, окружённый небольшим садиком со стороны дороги. С другой стороны дома крутой берег, заросший густым кустарником, подходил почти к самой воде, среди камышей пристроились небольшие старые мостки, с которых полоскали бельё, иногда ловили рыбу и прыгали в воду, чтобы искупаться.

Гости прошли во двор и поднялись на невысокое крылечко. Сначала постучали, но не получив ответа, Татьяна толкнула дверь, которая оказалась незапертой, и они вошли на просторную веранду, а через неё в небольшую прихожую. Из прихожей распахнутая дверь открывала вид большой светлой комнаты с двумя окнами. Между окон стояло высокое старомодное кресло, в котором, укутавшись в красный клетчатый плед, спала девушка.

Иван выглянул из-за Татьяниного плеча и замер. Всё та же толстая, тёмная, немного растрепавшаяся коса, пышная волнистая чёлка... Девушка, видимо потревоженная шумом, открыла глаза, и Иван, словно, окунулся в голубую волну, хлынувшую из них. Их взгляды пересеклись и застыли на несколько мгновений. Но Татьяна бросилась к девушке и громко и радостно затараторила:

– Варька, ну, наконец-то ты приехала! Почти год не виделись. Сдала свою сессию? Надолго к нам? Ах, да, познакомься. Это Колькин одноклассник. Иван. Училище окончил, моряк. Какое у тебя звание? – это уже к нему, к Ивану. Иван не ожидал вопроса и растерялся.

– Да лейтенант он. Сейчас из училища все лейтенантами выходят, – это уже вступил Николай.

– А это Варька. Мы в десятом классе вместе учились, Варя к нам только в десятый приехала, из Прибалтики. Вот с тех пор и дружим, пояснила Татьяна.

– Понятно, почему я её раньше не встречал, подумал про себя Иван.

Общительная Татьяна умело вела разговор, и уже через несколько минут все непринуждённо и весело болтали, обсуждая, куда пойти и чем можно заняться в городе в выходные. Через полчаса Варя переделалась, поправила волосы, и они все вместе весело вышли из дома.

Сначала погуляли по тихим улочкам, затем направились к городскому саду, разместившемуся на самом высоком городском холме над рекой. Там уже звучала музыка. Молодёжь разгуливала по аллеям. Кто-то качался на качелях, кто-то расположился небольшими группами на скамейках, кто-то устроился у открытой городской эстрады. На круглой огороженной танцплощадке уже танцевали. Ребята присели на свободную скамейку, осмотрелись – нет ли знакомых, и, никого не увидев поднялись к танцующим. Инструментальный ансамбль заиграл медленный танец. Николай тотчас схватил за руку свою Татьяну и потащил её в круг. Иван вопросительно взглянул на Варю, и она кивнула ему в ответ. Они тоже вышли в круг. Он осторожно положил руки ей на талию, она ему на плечи и они задвигались в такт музыке, почти не касаясь друг друга, словно, чего-то стеснялись. Весь этот вечер Ивану казалось, что между ним и Варей как будто протянулась тонкая невидимая ниточка, и сейчас он боялся оборвать её неосторожным движением. Но музыка обволакивала, на сад опускалась темнота ночи и в какой-то момент Иван, неожиданно для себя самого привлёк Варю к себе. От неожиданности она слегка напряглась, но, видимо, почувствовав себя безопасно и уютно, расслабилась и отдалась танцу. На своё место к ребятам они вернулись, уже крепко держась за руки. Так и не отпуская друг друга до конца вечера, а потом Иван отправился провожать Варю, и они договорились встретиться на другой день.

Отпуск пролетел незаметно. Он каждый день заходил за Варей, и они отправлялись то на речку поплавать или покататься на лодке, то в городской сад, то за город, просто побродить по полям. Поцеловал её Иван уже на следующий день, но дальше поцелуев дело не шло. Было в Варе что-то, что не давало Ивану продвинуться дальше, нетерпеливые руки останавливались, почувствовав напряжение её тела. Он боялся вспугнуть её или обидеть неловким движением. Иван не понимал, что с ним происходило. Он постоянно думал о девушке, представлял её лицо, волосы, фигуру, голос, каждый её жест. Если её не было рядом, стоило закрыть глаза, как её образ тут же вставал перед ним и не отпускал ни на мгновение. Иван проводил с ней все дни и вечера, и его родители, соскучившиеся по сыну, обижались, что он уделял им слишком мало внимания.

– Дело молодое, – говорил отец матери, но чувствовалось по голосу, что он расстроен. Наконец, родители, не выдержав, предложили Ивану познакомить их с его девушкой, и Иван пригласил Варю к себе домой. Варя испугалась приглашения и начала отнекиваться:

– Зачем, что они подумают? Кто я такая? – говорила она, а Иван обнял её за плечи, и, не отвечая на её вопросы, вдруг сказал:

– Варька, я люблю тебя, будешь меня ждать?

– Я? Буду. Я тебя тоже ..., очень. Только мне ещё год учиться.

– Ничего. Мы родителям обо всём расскажем, приеду в следующий отпуск, поженимся. А то в ЗАГС заявление за три месяца подавать надо. У меня отпуск уже кончается. Всего пять дней осталось, – и тут Ивана осенило: – Ой, я же военный. Мне не надо ждать. Нас должны сразу расписать. Возьмём паспорта и пойдём. Вот я дурак! У тебя же платья нет! Я-то могу и в форме, а тебе платье надо.

– Не надо мне платья. Я могу в выпускном. Оно у меня белое. Сойдёт.

В этот же день они объявили о своём решении родителям. Сначала огорошили его отца и мать. Те поначалу опешили, но Варя им сразу понравилась – тихая, вежливая, скромная, всё время держалась за руку Ивана. Никаких препятствий с их стороны не было. Наоборот помогали, как могли подготовиться. Вот и кафе сумели снять и свадебный торт достали.

Труднее было говорить с родителями Вари. Точнее с её мачехой. Именно мачехой, как узнал Иван. Варя рассказала ему свою историю перед тем, как они собрались поговорить с ними.

Родители Вари жили в крупном совхозе на самом Западе страны. Отец работал инженером в песчаном карьере, расположенном неподалёку, а мать в правлении. Оба были очень красивы, и их считали удачной и счастливой парой. Отец был темноволос и голубоглаз, мать – белокурая красавица. Варя унаследовала от матери великолепные волосы, а от отца большие голубые глаза. У них и правда была счастливая семья. Поначалу. Но потом у матери на работе появился новый директор, и она стала всё дольше задерживаться по вечерам, всё реже проводила с семьёй выходные, объясняя свою занятость срочной работой. А потом и вовсе объявила мужу, что уходит от него к другому. Варя была уже в восьмом классе, и мать предложила дочери уйти вместе с собой в новую семью, но дочь очень любила отца и не понимала, как можно его бросить. К тому же, она почувствовала, что, если уйдёт с матерью, отец этого не вынесет. Мать ушла одна, а Варя ещё долго не могла простить ей предательство. В их селе была лишь восьмилетняя школа, поэтому после её окончания девушке пришлось пойти в девятый класс в районном центре. Варя поселилась в пришкольном интернате для приезжих, и домой приезжала только на выходные.

Первый год, когда они остались с отцом одни, был очень трудным. Посёлок небольшой, и родители то и дело сталкивались друг с другом. Отец сильно переживал эти встречи, и тут он встретил старого знакомого, приехавшего к родне, который после института работал, как раз в том городке, где жили родители Ивана. Знакомый рассказал, что у них на заводе не хватает хороших инженеров, и Варин отец, посоветовавшись с дочерью, решил сменить место жительства.

На заводе ему выделили служебное жильё – тот самый домик, где Иван и встретил Варю. На новом месте девочка пошла в десятый класс, а Иван, в тот год, уже окончил школу и поступил в училище. Потому они и не встретились раньше. Ещё через год Варя уехала из города в областной центр, учиться в университете. Отец остался один и через некоторое время женился на медсестре из местной поликлиники. Отношения у Вари с мачехой не сложились, и она стала приезжать домой очень редко. С родной матерью связь тоже оборвалась и Варя о ней долгое время ничего не знала.

Лишь через несколько лет после свадьбы до них дошло известие о том, что Варина мать умерла через два года после отъезда мужа и дочери. Она пыталась родить ребёнка новому мужу, но возраст был уже не мал, беременность протекала тяжело, и в итоге врачам не удалось

спасти ни её, ни ребёнка. Варя переживала это известие и мечтала когда-нибудь навестить могилу матери.

Мачеха, услышав о том, что Иван с Варей решили пожениться, долго ворчала, высказывала своё недовольство, и беспокоилась о лишних тратах. Но, поняв, что денег от неё не требуют, успокоилась и препятствовать не стала. Правда, и не помогала.

Через три дня Иван с Варей стояли в ЗАГСЕ. На невесте было красивое белое платье – Татьянино. Та, услышав новость, развернула бурную деятельность. Достала своё свадебное платье, почистила, погладила, чуть-чуть ушила, и Варька выглядела в нём замечательно. Никто не мог и подумать, что платье шито не на неё. Фату и перчатки купили сами, белые туфли у Вари нашлись. Свадьба получилась уютной и домашней.

А ещё через два дня Иван уезжал на Север. Варька должна была доучиваться в университете, а ему ещё предстояло решать вопросы с жильём и оформлением документов на приезд жены.

Глава 7

Мысли о жене и сыне были постоянными спутницами Ивана, но суровая действительность и неясное будущее были сейчас важнее. Улаф тоже тосковал по дому. Иван уже знал, что парень ещё не был женат и даже девушки пока не имел, но он был старшим кормильцем своей большой семьи. Отец, тоже рыбак, потерял здоровье в многочисленных плаваниях и в море его уже не брали. Мать никогда не работала, занимаясь домом и воспитанием шестерых детей, пятеро из которых были девчонки. Семья жила небогато, а без Улафа им станет совсем плохо.

Иван видел, что Улаф всё больше приходит в отчаянье, и пытался успокаивать его, как мог. Подбадривая товарища по несчастью, Иван сам старался собраться и не показывать свою, всё возрастающую тревогу. Их положение обещало превратиться в безнадёжное. Время не спеша добралось до июня и медленно поползло дальше.

Полярный день был уже в разгаре, следить за меняющимися сутками стало гораздо труднее. Солнце гуляло по небу и пряталось время от времени только за тучами, которые несли с собой то снежные заряды, то мелкий нудный дождичек, а то и вовсе нечто среднее – тяжёлое и мокрое. С неба сыпались огромные снежинки, превращающиеся в полёте в грузные дождевые капли. Вода не задерживалась на каменистых склонах, и быстро скатывалась в море. Хорошо это было только для лодки, которая могла бы совсем рассохнуться без воды. На воду моряки её не спускали, боялись за потёртый старый трос. Если оборвётся, в другой раз из воды её не вытащишь, и привязать будет нечем. Они всё ещё возлагали надежды на лодку. Да и на что ещё они могли надеяться? Никакие суда в эту островную часть явно не заходили.

Иван всё ломал голову над тем, как заделать течь в шлюпке. Пробоина была невелика, но достаточная для того, чтобы небольшая посуда с двумя моряками на борту затонула за несколько часов плавания. Даже постоянное вычерпывание воды не дало бы больших результатов. К тому же края пробоины были рваными и понемногу крошились. Залатать её было нечем, да, и как бы держалась заплатка? Следовательно, дыру надо было плотно затыкать и укреплять края. Но, как это можно сделать, не имея никаких подручных средств, ни Иван, ни Улаф не представляли. Неожиданно помог случай.

Старый парусиновый плащ, найденный в домике, и под которым они теперь спали, был настолько ветхим, что постоянно трещал и расходился по швам, грозя вскоре превратиться в сплошную дыру. Однажды утром от него отвалился рукав, и Улаф долго разглядывал его, соображая, что с ним делать. Наконец, видимо озарённый какой-то мыслью, он взял рукав и нож, и вышел на улицу. Там он собрал мелких сучьев. Поломал и порезал их ножом, как

можно мельче, набил ими рукав и завязал его концы небольшими кусочками бечёвки. Получилось что-то вроде небольшой подушки, которую он и положил на лавку.

Улаф, совсем по детски, радовался своему творению, а Иван смотрел на него, расширившимися от восторга глазами. Улаф даже удивился, произведённому им эффекту. Но Иван радовался не подушке, а той идее, которая пришла ему в голову при виде этого старого рукава, превратившегося в нечто полезное.

– Вот именно так! Именно так мы и заделаем пробоину, – радостно сообщил он Улафу и потащил его опять на улицу. Там на голой земле, он веткой нарисовал, ту затычку, которая и была нужна.

– Мы возьмём рукав, завяжем один конец, набьём его землёй, вставим в пробоину и опять завяжем. Земля распределится и закроет дыру. Я видел недалеко небольшую сосёнку. С неё можно собрать смолу. Засмолим края пробоины. Чтобы не расползалась, и рукав тоже надо промазать, чтобы прилегал плотнее, – объяснял Иван свою идею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.